Эдмунд Уолш, планы Ватикана и российская действительность 1922—1923 гг.

Евгения Токарева

Edmund Walsh, Vatican plans and Russian reality of 1922—1923

Evgenia Tokareva

(Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870010787-6

Работа в Советской России организаций, пришедших на помощь голодающему народу в 1921—1922 гг., до сих пор ещё слабо освещена в историографии. Экономическая поддержка разорённой страны являлась к тому же и одним из факторов, способствовавших началу её выхода из изоляции и установлению международных контактов. Среди различных структур, так или иначе в этом задействованных, особое место занимала Папская миссия помощи. Несмотря на то что в советских учреждениях пытались рассматривать её исключительно как светскую, она всё же носила ярко выраженный религиозный характер и, оказавшись в России на начальном этапе гонений против Церкви, не могла на них не реагировать. Её деятельность частично уже освещалась в работах итальянских и французских исследователей¹. При этом обычно остаётся в тени фигура её главы — американского иезуита Э.А. Уолша, хотя его взгляды и взаимоотношения с советским властями хорошо отражены в источниках (прежде всего в письмах и отчётах, отправленных им католическим иерархам и должностным лицам РСФСР, а также в официальных документах НКВД и НКВД и т.п.) и заслуживают самого пристального внимания.

Эдмунд Алоизиус Уолш родился в 1885 г. в Бостоне, где существовала большая община эмигрантов из Ирландии, родины его предков. Вступив в 1902 г. в Орден иезуитов, он был в 1916 г. рукоположен и уже через год назначен деканом Джорджтаунского колледжа. Почти одновременно он занял пост директора по образованию и стал одним из пяти разработчиков программы для обучения военного персонала в армейском студенческом учебном центре, готовившем контингент для участия в Первой мировой войне. Эта работа выдвинула его в 1919 г. в круг основателей первой в Америке Школы дипломатической службы, носящей ныне его имя и со временем превратившейся в ведущий центр подготовки дипломатов в США². Уолш руководил ею вплоть до своей смерти в 1956 г. Одновременно он возглавлял особые дипломатические миссии Ватикана в РСФСР (1922) и Мексике (1929), вёл переговоры с правительством

© 2020 г. Е.С. Токарева

Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда № 19-18-00482 «Entangled Histories: Россия и Ватикан, 1917—1958 гг.».

This research was supported by the grant of the Russian Science Foundation № 19-18-00482 «Entangled Histories: Russia and Vatican, 1917—1958».

¹ *Петракки Дж.* Папская миссия помощи России. 1921—1923 гг. // *Россия и Ватикан в конце XIX — первой трети XX вв.* СПб., 2003. С. 185—259; *Pettinaroli L.* La politique russe du Saint-Siège (1905—1939). Р., 2015.

² В XX в. её закончили сотни государственных деятелей, в том числе А. Хейг, Б. Клинтон, Д. Грибаускайте, Ж.М.Д. Баррозу, сенаторы Д. Салливан и Р. Дурбин и др. В настоящее время в ней обучаются 3 тыс. студентов из более 100 стран мира.

Ирака о создании «Американской высшей школы» в Багдадском колледже в 1931 г., участвовал в качестве консультанта в Нюрнбергском процессе и т.д.

В октябре 1921 г. Уолш получил от своего друга полковника В. Гаскелла, возглавлявшего Американскую администрацию помощи в России (АРА), предложение присоединиться к нему и содействовать в распределении 20 млн долл., выделенных США для нужд голодающих. Уолш в то время находился в Европе, оканчивая терцианство (последний официальный период формации в Обществе Иисуса). Торопясь вернуться в США, он, судя по его письму американскому генеральному ассистенту генерала Общества Иисуса Дж.Ф. Ханзельману, посланному 15 января 1922 г., счёл «дело с Россией чем-то, находящимся целиком вне своей компетенции»³.

Однако, получив в конце января известия из России, Уолш передумал. То, что до этого момента интересы католиков не учитывались в АРА, он связывал с безразличием католических епископов Америки, проистекавшим «из-за отсутствия понимания влияния, представленного сейчас схизматиками». Сообщая об этом 1 февраля Ханзельману, Уолш просил его направить в АРА представителя Ватикана, если Американские католические организации от этого уклонятся⁴.

Э. Уолш — руководитель Папской миссии помощи в России. В Риме в то время готовился договор о направлении в Россию Папской миссии помощи, подписанный 12 марта 1922 г. полпредом РСФСР в Италии В.В. Воровским и государственным секретарём Ватикана кардиналом Пьетро Гаспарри. Согласно этому соглашению в РСФСР с благотворительной целью направлялись 12 «посланцев». Тогда же в Ватикане решили поручить надзор за распределением пожертвованных католиками средств, особенно на начальном этапе, представителю Национального католического совета благосостояния (ежегодного собрания американских католических иерархов и постоянного секретариата)⁵. Того же мнения придерживался генерал ордена иезуитов В. Ледуховский, который предложил заместителю государственного секретаря Дж. Пиццардо сделать Уолша главой группы членов Общества Иисуса, «во-первых, по той причине, что он уже доказал наличие большого организаторского таланта, во-вторых, потому что [как он надеется] благодаря своим близким связям с главой Американской комиссии он сможет оказывать важную помощь не только нашим отцам, но также и [отцам других орденов]»⁶.

8 марта Гаспарри официально уполномочил Уолша «приготовить организацию папской помощи России», и вскоре тот отправился представлять американский епископат в АРА. Кроме того, могилёвский архиепископ Э. фон Ропп, покинувший Россию в 1919 г., передал ему «все полномочия, которые [он получил] как по праву ординарной власти, так и временно (на трёхлетний или пятилетний срок) или же экстраординарно из-за революции»⁷.

Уолш прибыл в РСФСР в разгар кампании по изъятию церковных ценностей и мгновенно оценил открывавшиеся перспективы. «Я думаю, — писал он, — что Святой Престол — это единственная сила, способная предотвратить

³ Archivium Romanum Societatis Iesu (далее — ARSI). Russia 2001-III-5.

⁴ Ibid. 2001-III-6.

⁵ Edmund A. Walsh, SJ Papers, Georgetown University Library Booth Family Center for Special Collections, Washington, D.C., Collection GTM-GAMMS239 (далее — Walsh Papers), box 6, folder 381.

⁶ ARSI. Russia 2001-III-12.

⁷ Ibid. 2001-III-16.

трагедию и кровопролития. Вы увидите впоследствии, что я приступаю к тому, что можно будет назвать великолепной заслугой Ватикана в военное время». Уолш рекомендовал выкупить отнятые у храмов предметы. «Если мы можем сделать хоть что-то для поддержки Церкви, — рассуждал он, — либо с помощью такого финансового проекта, который я предложил, либо путём обращения к Советскому правительству с просьбой пощадить церкви, я знаю, что это будет оказывать положительное влияние. Возможно даже, что запрос из Ватикана остановит конфискацию». Конечно, «правительство может считать, что Рим может отвечать только за Католическую церковь». Но «если эти ценности будут сохранены церковью, то это никогда не будет забыто русскими». «Более того, — полагал Уолш, — отдавая все эти предметы обратно после окончания невзгод, мы сможем выиграть вечную признательность людей и духовенства»⁸.

Эти планы вызвали известную телеграмму Пиццардо Г.В. Чичерину в дни Генуэзской конференции. В ней сообщалось, что «святой отец готов выкупить эти священные и ценные предметы и передать их на сохранение архиепископу Цепляку»⁹. Чичерин уведомил Москву о поступившем предложении, добавив: «Это соблазнительно, но передача православных церковных предметов католикам вызовет бурю в России»¹⁰. Никакого ответа на это не последовало. Тогда государственный секретарь телеграфировал о желании папы В.И. Ульянову (Ленину), но и тот никак не отреагировал.

Руководитель 5-го отдела Наркомата юстиции П.А. Красиков отмечал: «По нашим декретам и циркулярам... покупка в собственность храмового имущества не предусмотрена... Ничто, конечно, не препятствует кому-либо, в том числе и папе римскому, выступить покупателем на международном или местном рынке. Конечно, условия покупки и цены... должны производиться уже Гохраном на коммерческих основаниях»¹¹. Однако советское правительство не собиралось ни передавать, ни продавать изъятое верующим. И Уолш быстро пришёл к заключению: «Если бы предложение было принято, алтарные сосуды были бы спасены, а на помощь голодающим были бы гарантированно получены деньги. Естественно, это аннулировало бы истинную цель конфискации — не помощь голодающим, а уничтожение»¹².

Как официальный сотрудник АРА Уолш активно участвовал в распределении средств этой организации и имел возможность изучить её образ действий. Кроме того, предполагалось, что ожидавшаяся Папская миссия будет работать в тесном сотрудничестве с АРА. Согласно договорённости, Уолш должен был делать необходимые закупки у АРА (деньги на это переводились Ватиканом в Америку), но и в случае прекращения её деятельности в России Святой Престол выражал намерение продолжить оказание помощи, «насколько позволяют его ресурсы».

Первоначально миссию, включавшую иезуитов, салезианцев, вербистов и кларетинцев, собирались развернуть в августе 1922 г. в Москве, Крыму, Ростове и Екатеринодаре¹³. Ей предстояло заняться созданием кухонь для бесплатных

⁸ Ibid. 2001-III-34.

⁹ Walsh Papers, box 6, folder 381.

¹⁰ Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. 1922—1925. Новосибирск, 1997. С. 258.

¹¹ ГА РФ, ф. А-353, оп. 6, д. 9, л. 82.

¹² Walsh Papers, box 6, folder 381. Этот вывод совпадает с мнением исследователей: *Покровский Н.Н.* Предисловие // Архивы Кремля... С. 12.

¹³ О составе миссии см.: *Петракки Дж.* Папская миссия...

обедов (прежде всего для детей), раздачей пакетов с продуктами, тканями или готовой одеждой, организацией образцовых общежитий для студентов и т.д.

Но с первых же дней Уолш столкнулся в Москве с непредвиденными трудностями: советские ответственные работники попросили его не расплывать имевшиеся у него силы и сосредоточить их исключительно в Крыму, где голод ощущался сильнее всего, ничего не предпринимая в Ростове и Екатеринодаре. Хотя Уолш видел в этом «временную чрезвычайную меру», совершенно очевидно, что власти стремились ограничить размах миссии, не пуская её на материк. Кроме того, они настаивали на том, чтобы сам Уолш оставался в Крыму, не оставляя членов миссии без присмотра.

Тем не менее Уолш был настроен достаточно оптимистично. «Со временем, — писал он Гаспарри, — трудности и препятствия будут нарастать, а общая атмосфера беспокойства в этой страдающей стране усиливает в людях подозрительность, эгоизм, а порой ещё и жестокость. Мелкие чиновники в небольших городах, не понимающие общую политику правительства, уже чинили мне небольшие неудобства, но, слава Богу, серьёзных затруднений пока не возникало». Уолш согласился временно собрать всех членов миссии в Крыму (15 августа они прибыли в Севастополь, откуда их в ночь с 19 на 20 августа доставили в Феодосию). Однако, не зная о достигнутой договорённости, двое испанцев всё же продолжили путь в Ростов, чтобы основать там станцию, согласно прежним планам, и немедленно начать раздачу продовольствия. Свою готовность остаться в Крыму Уолш обосновал вескими аргументами: положение на полуострове действительно было крайне тяжёлым, а миссия, казалось, могла заручиться доброжелательной позицией правительства «из-за беспокойства, которое нам причинили эти изменения»¹⁴.

Однако в Ватикане не скрывали тревоги. «Ведь по сути Крым — это не Россия, — писал Уолшу Пиццардо. — Помимо политических представлений о том, что этот полуостров отличается от собственно России, большую часть его жителей составляют потомки приезжих из других стран, а настоящих русских среди них не более половины»¹⁵. Не ограничиваясь гуманитарными задачами, Ватикан постоянно стремился проникнуть и закрепиться на территории материковой России.

Ожидая дальнейших указаний, Уолш пытался наладить распределение продовольствия и работу бесплатных кухонь в Крыму. Одна из его многочисленных обязанностей состояла в том, чтобы ходить по берегу вместе с сотрудником местной власти и искать подходящие военно-морские мины, выброшенные волнами Чёрного моря. «Подобно тому, как люди перековывают мечи на орала, когда закрываются врата Храма Януса, — писал он, — смертоносные мины, предназначенные для взрыва вражеских кораблей, были переделаны в котлы и кастрюли для католических пунктов питания в России»¹⁶.

19 сентября Уолш получил строгое указание Ватикана следовать первоначальному плану и немедленно выехал в Москву, чтобы договориться о его исполнении. С трудом убедив полномочного представителя советского правительства при всех иностранных организациях помощи К.И. Ландера в невоз-

¹⁴ Walsh Papers, box 6, folder 381.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid.

возможности нарушить инструкции Ватикана¹⁷, Уолш приготовил квартиры для группы, которой со 2 октября предстояло трудиться в столице под руководством салезианца А. Симонетти, а также распорядился переездом группы во главе с иезуитом Ж. Капелло в Екатеринодар.

В Москве после консультаций с советскими властями было решено заняться в первую очередь беспризорниками. «Это одна из главных проблем, — писал Уолш Гаспарри 28 сентября, — спасти от полной деградации молодое поколение, которое всё больше подвергается нравственному разложению из-за восьми лет войны»¹⁸. Способствовать усилиям московской группы и снабжать её необходимой информацией должен был созданный Уолшем комитет из католиков (мужчин и женщин), председателем которого стал старейший приходской священник (видимо, о. Пётр Зелинский, с 1916 г. являвшийся настоятелем храма Святых апостолов Петра и Павла и московским деканом).

Начался подбор сотрудников миссии, причём он отнюдь не соответствовал пожеланиям властей, стремившихся включить в их число прежде всего членов ВКП(б), тогда как Уолш и Симонетти отбирали интеллигентных людей, владевших иностранными языками¹⁹. «С этим затруднением, — успокаивал Уолш Гаспарри, — давно уже сталкиваются все организации помощи, работающие в России, и меня это не слишком беспокоит»²⁰.

Споры с властями вызвало и нежелание миссии скрывать, что помощь оказывает именно Ватикан. На пропусках в бесплатные кухни для детей указывалось: «Этот обед — дар его святейшества папы Пия XI». Титулование «его святейшество» вызвало большое беспокойство у советских служащих. Один из них убеждал сотрудников миссии заменить эти слова, как и выражение «Святой Престол», поскольку крестьяне их просто не понимают. Поменяв текст, Уолш изменил и бланк миссии, на котором теперь значилось: «Папа Римский — русскому народу».

В Москве Уолшу удалось получить хорошее помещение в бывшей резиденции германского посла и достаточно просторный склад у железнодорожных путей. В октябре он обратился в Ватикан с просьбой одобрить проект организации в будущем небольшого отделения в Петрограде, где надеялся наладить плодотворную работу. В ноябре Уолш начал по просьбе властей подготовку к созданию новой временной станции в Оренбурге. В этом проявлялась противоречивость позиции большевиков. Характерно также, что, проявляя недовольство активностью миссии и постоянно упрекая её членов в прозелитизме, власти готовы были одобрить устройство образцовых хозяйств под управлением католических орденов, наиболее компетентных в подобного рода деятельности.

Однако с декабря 1922 г. Уолш постепенно утрачивает былой оптимизм, убеждаясь в «неискренности» властей, чинивших препятствия и в центре, и на местах²¹. В марте 1923 г. он сообщал Гаспарри о том, что шведский Красный Крест решил прекратить помощь России, а АРА сворачивает свою работу:

¹⁷ Этому способствовало предложение Святого Престола увеличить поставки продовольствия в Крым из Румынии (от чего впоследствии пришлось отказаться).

¹⁸ Walsh Papers, box 6, folder 381.

¹⁹ К 1 марта 1923 г. в миссии работали 1 700 граждан России (*Петракки Дж.* Папская миссия... С. 231).

²⁰ Walsh Papers, box 6, folder 381.

²¹ Это отмечалось и другими организациями помощи. Подробнее см.: *Бондаренко Т.Ю.* Вклад миссии Фритьофа Нансена в борьбу с голодом и в восстановление сельского хозяйства Саратовской губернии в 1920-е гг. Дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2016.

«Иностранные организации доставляют сюда большие объёмы продовольствия для голодающих, а правительство России тем временем продаёт продовольствие за рубеж, получая за него деньги. Если правительство располагает продовольствием для экспорта, отмечают представители этих организаций, почему оно не может само позаботиться о голодающих?»²².

Оставленные без присмотра станции помощи подвергались грабежу. Так, возглавлявший Оренбургское отделение иезуит Л. Галлахер, выделивший сиротским приютам большое количество материалов для пошива одежды, узнал, что они так и не попали в детские дома и были отправлены ещё куда-то или проданы на коммерческом рынке. «По оценке Галлахера, — жаловался Уолш Гаспарри 19 июля 1923 г., — государственные чиновники таким образом украли материала на 6—8 тысяч долларов»²³. Покидая Оренбург, Галлахер передал 9 кухням месячный запас продовольствия, но через два дня после его отъезда власти закрыли все кухни и конфисковали продукты.

С аналогичной проблемой столкнулся в Крыму Э. Герман. Стоило ему съездить в Москву, поверив заверениям местных начальников, обещавших ничего не трогать в создаваемом им заведении, как «власти вывезли из санатория всё оборудование, что не было намертво прикреплено к полу». Делалось это лишь для того, «чтобы вытянуть побольше денег из Папской миссии». «Должен, не кривя душой, сообщить Святому Престолу, — констатировал Уолш в своём меморандуме 9 апреля 1923 г., — что деньги, выделяемые на такие благотворительные предприятия, попросту позволяют Советам высвободить аналогичные суммы на революционную пропаганду для свержения законных правительств в Европе и других районах мира»²⁴.

В течение весны—лета 1923 г. Папская миссия всё чаще испытывала притеснения со стороны властей. Сотрудников миссии, выезжавших на время в Рим, обыскивали на границе, все их бумаги реквизировались, служащих подкупали или шантажировали, надеясь выведать какие-то тайны. Так, экономка миссии была арестована и после отказа шпионить «выслана в один из отдалённых районов России»²⁵.

В своих письмах Уолш всё более откровенно намекал на то, что миссии больше нечего делать в России. Ориентиром для него служила, в частности, АРА, которая 4 июня 1923 г. заявила советскому правительству о том, что согласно её данным продовольствия в СССР достаточно. Отправка посылок с помощью из США прекратилась ещё в марте, а из Европы — в апреле. К продолжению деятельности в Советском Союзе Уолш относился весьма скептически. «На мой взгляд, — делился он своими соображениями с Гаспарри 14 мая, — с учётом политики нынешнего правительства, которое не допустит ничего, хоть сколько-нибудь напоминающего моральное влияние на детей или взрослых, создание благотворительной организации на постоянной основе практически невозможно. Опыт профессора Симонетти в Москве, Пьемонте в Краснодаре и Германа в Крыму говорит о том, что правительство позволит нам лишь вкладывать большие суммы денег без возможности вести работу таким образом, который бы оправдал подобное предприятие Святого Престола»²⁶.

²² Walsh Papers, box 6, folder 384.

²³ Ibid., folder 385.

²⁴ Ibid., folder 384.

²⁵ Ibid., folder 385.

²⁶ Ibid.

Неудивительно, что Уолш начал постепенно реорганизовывать работу миссии так, чтобы она могла функционировать без генерального директора. Сам он с начала лета обдумывал свой отъезд из России. «Голод прошёл, — отмечалось в его письме Гаспарри 7 июня, — и власти согласны, что обеспечивать там людей питанием больше не нужно... Продолжение папской помощи после следующего урожая (конца июля) будет крайне трудно обосновать»²⁷. Тем временем прекратила работу Краснодарская станция. Группа находившихся там миссионеров переместилась в Ростов, откуда уехали в Рим испанцы-кларетинцы. В Москве, Краснодаре и Крыму с мая—июня всякая активность практически приостановилась. Станция в Оренбурге должна была закрыться 15 июля. «Меня постоянно волнует вопрос о программе на будущее, — признавался Уолш. — Власти всё время требуют от меня заявления относительно продолжения работы миссии (если оно будет), чтобы можно было составить необходимые планы»²⁸.

19 июня советская сторона в одностороннем порядке расторгла соглашение с Ватиканом²⁹. Выполняя пожелания папы, Уолш начал переговоры о подписании нового соглашения. Но уже 17 августа он предупреждал Гаспарри: «Без конкретного соглашения, чётко определяющего наше положение и гарантии, без которых, как показывает опыт, обойтись нельзя, я не считаю возможным возобновлять нашу работу в больших масштабах»³⁰.

Переговоры проходили с немалыми трудностями. Уолш добивался подписания формальных обязательств и предоставления миссии полной свободы действий в оказании помощи «на основе реальной нужды, без национальных, классовых, религиозных и политических различий». Он понимал, что это потребует значительных денежных вложений. Ещё 19 июня Ландер сообщил ему, что отныне иностранным благотворительным организациям придётся самим оплачивать все свои расходы на поездки, проживание, транспорт, конторы и т.д. «Мы подтверждаем, — заявлял он, — что приветствовали бы вашу дальнейшую помощь, но желаем, чтобы она была помощью в полном смысле слова, то есть не требовала бы расходов от моего правительства». В дальнейшем Уолш просил о присылке денег для миссии, оплаты существования миссионеров, аренды жилья и складов и т.п. «В Москве и Ростове вся работа приостановлена из-за отсутствия денег, — сетовал он 14 сентября. — Я с волнением жду прибытия каждого курьера из Варшавы и Берлина, но тщетно. Как уже сообщалось в предыдущих отчётах, мы оказались в положении нищей миссии помощи»³¹.

Выработка нового договора затянулась. «По сути, — рассуждал Уолш 27 июля в письме к Гаспарри, — они требуют, чтобы мы начали работу, понесли большие расходы и ввезли в Россию как можно больше материалов. Затем, когда, как и в прошлом, возникнут неизбежные трудности, — а они будут возникать до тех пор, пока страной правит нынешняя группа большевиков — у нас не будет никаких гарантий или защиты, помимо тех, что имеют сегодня

²⁷ Ibid., folder 384.

²⁸ Ibid., folder 385.

²⁹ Как сообщал Уолш, в середине июля Папская миссия ежедневно обеспечивала питанием 160 тыс. горожан, завершила распределение одежды для 100 тыс. человек, а также ввезла в Россию лекарств на 50 тыс. долл. Общая сумма, затраченная на помощь Ватиканом (включая как его собственные средства, так и деньги, собранные среди католиков всего мира для голодающих в России), по разным данным, составляла от 1,5 до 2 млн долл. Для сравнения: бюджет АРА достигал 66 млн долл. (Ibid.).

³⁰ Ibid., folder 386.

³¹ Ibid.

простые российские граждане»³². Поэтому Уолш настаивал на сохранении прежних прав за курьерами, а также на предоставлении членам миссии и её помещениям иммунитета от обысков, арестов и конфискаций³³. «Если я не смогу добиться чёткого письменного соглашения приемлемого характера, — писал он Гаспарри 27 июля, — я не вижу иного варианта, кроме как немедленно и достойно вывести из страны Католическую миссию»³⁴. 11 ноября Уолш послал отчаянную телеграмму Гаспарри, утверждая, что дальнейшие переговоры бесполезны. На этом его попытки заключения нового договора закончились. Основную причину своей неудачи он видел в изменении целей советского руководства, с лета 1923 г. стремившегося к признанию Ватиканом СССР. «Этот вопрос, — сообщал Уолш Гаспарри 2 ноября, — всплывал на различных встречах уже раз десять: они постоянно указывают, что всем трудностям пришёл бы конец, если бы наша миссия действовала на дипломатической основе, если бы “с Ватиканом существовали более нормальные и официальные отношения”... Я убеждён, что все проволочки последних трёх месяцев и многочисленные препоны, которые нам ставят, преследуют вполне определённую цель — установление этих официальных дипломатических отношений»³⁵.

Задержка с подписанием договора не позволяла Уолшу завершить реорганизацию миссии. Согласно указаниям Ватикана станцию в Крыму следовало закрыть, а действовавшую там группу перевести в Москву, заменив ею Симонетти и его сотрудников, которые покинули бы Россию. Однако в Евпатории оставалось ещё слишком много припасов. «Поэтому, пока это продовольствие не будет разделено, — докладывал Уолш 10 августа, — группе Германа невозможно разрешить покинуть Крым». К тому же Герману удалось заключить отдельный контракт с местными властями, предоставившими станции те гарантии, которых требовал Ватикан. В результате она продержалась до конца сентября. «Те трое сотрудников, что работают в Крыму, — отмечал Уолш, — выделяются мягкостью характера, изобретательностью и способностью работать с русскими». В то же время он признавал, что лучшим решением будет их переезд в столицу, где начались разногласия между салезианцами, один из которых потребовал возвращения в Рим³⁶.

Э. Уолш — представитель Ватикана в России. Другой стороной многогранной деятельности Уолша являлись переговоры с советскими властями о проблемах, затрагивавших интересы католического духовенства и его паствы. К их числу относилось судебное преследование архиепископа Я. Цепляка, заменившего высланного в 1919 г. Э. фон Роппа и отказавшегося отдавать государству церковное имущество. В октябре 1922 г. его несколько раз вызывали для объяснений в Ревтрибунал, председатель которого, как сообщали Уолшу, признался адвокату прелата: «Мы не знаем, что делать. Папа сейчас кормит многие тысячи детей в Крыму и отправил в Россию экспедицию помощи. Если бы не огромная помощь, которую отправляет суверенный понтифик, мы могли бы хоть завтра завершить расследование по делу архиеп[ископа] Цепл[яка]»³⁷. Тем самым благотворительность Ватикана начинала влиять на политические решения.

³² Ibid., folder 385.

³³ Ibid., folder 386.

³⁴ Ibid., folder 385.

³⁵ Ibid., folder 387.

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid., folder 381.

Уолш отправился в Петроград, где вместе с Цепляком работал над формулой расписки, подписав которую, католики получали бы в пользование храмы. Но их проект власти не приняли. В начале декабря костёлы в Петрограде стали закрывать, и Уолш поставил перед Гаспарри вопрос: «Должен ли я зайти настолько далеко, чтобы заявить советским властям, что Католической церкви будет трудно продолжать оказывать России помощь, если католики в этой стране будут подвергаться гонениям?»³⁸. Впрочем, тогда он ещё надеялся на то, что его миссия будет носить постоянный характер. Отзываясь 11 декабря об антирелигиозной политике, приобретающей всё более острые формы, Уолш констатировал: «У некоторых из нынешних руководителей это обусловлено простым незнанием, но у многих — открытой враждебностью к любым формам религии. В этом плане самый настойчивый и беспощадный из них — Троицкий»³⁹.

В конце декабря 1922 г. Цепляк направил в Москву каноника К. Будкевича и нескольких мирян, которые подали в Наркомат юстиции официальный протест против радикальных действий Петроградского совета. Ответ на него звучал обнадеживающе: закрыв храмы без судебного решения, местные власти превысили свои полномочия. Узнав об этом, Уолш впервые решил «в дружественном тоне сделать представление». 21 декабря он направил Красикову письмо, где говорилось о том, что закрытие петроградских церквей в тот момент, когда Ватикан всеми силами пытается помочь России, произведёт на католический мир крайне неблагоприятное впечатление. Однако Красиков усмотрел в этом заявлении «известного рода вмешательство во внутренние дела Советской России»⁴⁰.

Уолш хорошо понимал масштаб развернувшейся борьбы. «Те, кто пристально следит за событиями, — писал он Гаспарри 20 декабря, — отмечают ужесточение противодействия влиянию религии в России. Полностью проиграв битву в экономике, Коммунистическая партия теперь полна решимости развязать энергичную войну против второго своего главного врага — духовности»⁴¹.

Уолшу обещали, что костёлы откроют, однако этого не последовало, и он известил Ландера о своём намерении приостановить создание станции в Оренбурге. Между тем 26 декабря в Революционном трибунале начиналось слушание «дела епископов», по которому проходили Цепляк и ещё 20 священников. Встретившись с членом коллегии НКВД Я. Ганецким, Уолш обсудил с ним ту формулу расписки, которую петроградская делегация католиков согласовала с Накоматом юстиции, после чего её будто бы одобрил Цепляк. Уолш видел в ней «существенную уступку правительства... по сравнению с первым вариантом». «Наша беседа, — сообщил он Гаспарри 1 января 1923 г., — закончилась чёткой договорённостью, что он постарается добиться положительного рассмотрения моей просьбы об открытии церквей соответствующим ведомством, при условии, что я вскоре отправлюсь в Рим со всеми документами». Однако события приняли совсем иной оборот. «Я пришёл к выводу, — оправдывался Уолш перед Гаспарри 13 февраля, — что разумная позиция советских властей в вопросе о формуле, которую необходимо подписать для открытия церквей, и прибытие телеграммы от Вашего высокопреосвященства позволяют говорить о благоприятном разрешении дела. Но внезапно я оказался лицом к лицу с самой печальной ситуацией из всех, с которыми мне приходилось сталкивать-

³⁸ Ibid., folder 383.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ ГА РФ, ф. А-353, оп. 6, д. 17, л. 76, 79.

⁴¹ Walsh Papers, box 6, folder 383.

ся с момента приезда в Россию... По какой-то необъяснимой причине петроградские власти — я имею в виду церковные власти, т.е. архиепископа и его советников — не доставили это письмо тому лицу, которому оно было адресовано, и поэтому у петроградских властей не было возможности разрешить им его подписать. Хотя Ваше высокопреосвященство телеграммой разрешило им подписать его, теперь уже почти слишком поздно, поскольку центральное правительство крайне недовольно этими действиями петроградских католиков. Что же касается меня, то я не понимаю, почему письмо не было доставлено: оно было вручено петроградской депутации советским Министерством юстиции для немедленной доставки в Петроградский совет и адресовано гражданской администрации города. Из-за того, что письмо, которое должно было быть доставлено немедленно (члены делегации выступали просто в качестве курьеров), «придержали» на 6—7 недель, у меня возникли огромные трудности. Центральное правительство через г-на Красикова заявляет, что церкви могли бы быть открыты на Рождество, если бы упомянутые господа сдержали слово и доставили письмо, которое было им доверено, особенно с учётом того, что оно было адресовано из одного государственного ведомства в другое. Он сказал мне, что мог бы отправить его обычной почтой или с собственным курьером, но передал его им, чтобы ускорить дело»⁴². Более того, по словам Уолша, «в голове у г-на Красикова сформировалось опасное подозрение, что петроградские католики, будучи поляками, сделали это намеренно, по политическим соображениям, чтобы создать впечатление, будто советская власть преследует католиков. Я пытался во всех случаях защищать петроградских католиков, но, признаюсь, по этому последнему вопросу защитить их крайне трудно. Конечный результат случившегося состоит в том, что у советского правительства теперь есть возможность предъявить католическому населению Петрограда серьёзные претензии, и я не сомневаюсь, что оно не преминет воспользоваться этим преимуществом»⁴³.

С этого момента положение Уолша стало особенно затруднительным. Петроградское духовенство считало, что он должен был действовать решительнее и угрожать прекращением помощи Ватикана. Сам же Уолш утверждал, что «использовал всё имеющееся влияние, не прибегая лишь к действиям, которые сорвали бы задание его святейшества по оказанию помощи России». 11 января он заявил Гаспарри: «Моё понимание своей нынешней ответственности требует иного курса, и я буду проводить более примирительную линию». Сторонники Цепляка были настроены гораздо решительнее. «Генеральный викарий монсеньор Будкевич спросил меня, — писал Уолш 13 февраля, — не считаю ли я целесообразным предъявить... обвинения властям. Мой ответ был однозначно отрицательным, поскольку у этих петроградских католиков шансов добиться осуждения советских властей Петрограда не больше, чем у ранних христиан из катакомбной церкви, если бы они вздумали жаловаться Нерону на действия его преторианцев»⁴⁴.

Накануне Уолш уведомил Наркомат юстиции о том, что получил телеграмму от кардинала Гаспарри, «в коей даётся согласие Ватикана на подписание расписки». Однако теперь уже Красиков заявил, «что указанный текст расписки был дан представителям петроградских католиков по их усиленным просьбам,

⁴² Ibid.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Ibid.

как временная мера для возможности открытия костёлов перед праздниками, и что представители злоупотребили доверием Отдела культов и вместо немедленного подписания расписки в Петрограде препроводили последнюю в Рим и оставили [таким] образом] церкви закрытыми»⁴⁵.

В середине февраля Уолшу по предложению Красикова вместе с ним пришлось составлять новый текст расписки. «Результат, с нашей точки зрения, был далеко не удовлетворительным, — признавал он, — но это абсолютно последнее слово правительства». Однако Цепляк и церковный совет продолжали настаивать на редакции, выработанной в конце декабря. Уолш понимал, что «теперь это уже невозможно, и они... опять оказались в тупиковой ситуации»⁴⁶. Он уже собирался лично отвезти февральский вариант расписки в Рим и даже заверял Красикова, что этот текст будет одобрен папой. Но в середине марта из Ватикана объявили о том, что «он безусловно отвергает такого рода договор». Нунций в Польше архиепископ Лоренцо Лаури уведомил об этом Цепляка⁴⁷.

Это не могло не сказаться на исходе «дела епископов». Процесс состоялся 21—26 марта 1923 г. Цепляк и Будкевич были приговорены к высшей мере наказания, остальные священники — к различным срокам тюремного заключения. Под влиянием международных протестов Цепляку заменили казнь на 10 лет лагерей, Будкевича расстреляли 31 марта⁴⁸. В ночь исполнения приговора Уолшу несколько раз звонили по телефону неизвестные лица и разражались издевательским смехом.

Советское правительство готовилось тогда к процессу против патриарха Тихона и, по мнению Уолша, желало продемонстрировать миру беспристрастность своего отношения ко всем конфессиям в условиях общего антирелигиозного наступления, приуроченного к Пасхе. Неблагоприятны оказались и внешнеполитические обстоятельства. Польский премьер-министр В. Сикорский активно добивался признания державами Антанты восточных границ Польши, включавшей, согласно Рижскому договору, земли Западной Украины и Западной Белоруссии. «Становится всё очевиднее, — признавал Уолш 18 марта, — что советская власть испытывает неискоренимую враждебность по отношению к польскому духовенству и всегда будет искать политические предлоги для препятствования свободе вероисповедания, пока существует общее мнение, что “католический” значит “польский”, а “польский” значит “католический”»⁴⁹.

Судебные заседания и вынесенный приговор произвели на Уолша крайне тяжёлое впечатление⁵⁰. Он явно не ожидал такого вердикта, поскольку представители власти заверяли его, что казней не будет. Буквально за несколько дней до суда Уолш сообщал Гаспарри, что смерть грозит скорее патриарху Тихону,

⁴⁵ ГА РФ, ф. А-353, оп. 2, д. 714, л. 190.

⁴⁶ Walsh Papers, box 6, folder 384.

⁴⁷ ГА РФ, ф. А-353, оп. 2, д. 714, л. 235.

⁴⁸ Подробнее см.: *Козлов-Струтинский С., Парфентьев П.* Католическая церковь в России. СПб., 2014; *Осипова И.И.* «В язвах своих сокрой меня...» Гонения на католическую церковь в СССР. По материалам следственных и лагерных дел. М., 1996.

⁴⁹ Walsh Papers, box 6, folder 384. По этой причине Уолш старательно избегал контактов с официальными представителями Польши в Москве, хотя знал, что польский посланник желал теснее с ним сотрудничать.

⁵⁰ Отчёт Уолша о процессе, на котором он присутствовал, см.: *Беглов А.Л., Токарева Е.С.* Судебный процесс над католическим духовенством 1923 г. в освещении посланца Ватикана в России // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Вып. 4 (68). URL: <http://history.jes.su/s207987840002218-8-1> DOI: 10.18254/S0002218-8-1

чем Цепляку. Схожие обещания давали и дипломаты: М.М. Литвинов — представителю Великобритании, а Чичерин — Воровскому. Разумеется, Уолш всё более враждебно относился к советским порядкам, хотя и всячески пытался сдерживать себя, помня, что перед отъездом миссии в Москву Пиццардо советовал её членам молчать, «даже если церкви будут разграблены, а католические пасторы арестованы»⁵¹.

С этого времени важнейшей задачей Уолша становятся переговоры об освобождении и отправке в Рим Цепляка и польских священников. Уолш неоднократно беседовал об этом с Чичериным, передав ему соответствующую просьбу Пия XI. Однако нарком допускал лишь возможность обмена. Чичерин желал бы, чтобы СССР были переданы баварские коммунисты, но на это не согласилось правительство Германии. А кандидатуры литовских коммунистов, намеченные представителем Литвы в Москве, не заинтересовали НКВД. С поляками же советская сторона категорически отказывалась обсуждать какие-либо варианты, предпочитая иметь дело непосредственно с Ватиканом. Несколько раз посетив Цепляка в тюрьме, Уолш видел, как ухудшалось здоровье прелата. Однако вызволить его удалось только весной 1924 г., уже после отъезда Уолша из России.

Между тем «дело епископов» вызвало волну возмущения в мире, особенно в Варшаве. Международные протесты накалили ситуацию. Уолш допускал, что можно «скоро ожидать серьёзных осложнений и даже военных действий с Польшей». «По всему городу ощущалось общее беспокойство и напряжённость, — писал он в апреле. — Ходили слухи, что польский посланник вот-вот покинет Москву, а вскоре выедут также британская и папская миссии»⁵². При этом реакция Святого Престола оказалась весьма осторожной. 28 апреля представитель Российского общества Красного Креста (РОКК) в Италии М. Шефтель передал председателю Исполкома РОКК З.П. Соловьёву: «Ватикан заверил тов. Воровского, что они и впредь имеют в виду оказывать нам помощь, несмотря на... (отточие в документе. — *Е.Т.*) расстрел Буткевича»⁵³.

Апогея тревога достигла после «ультиматума Кёрзона». «Британская нота от 8 мая ввергла этот город в состояние лихорадочного беспокойства, — сообщал Уолш Гаспарри 14 мая, — поскольку Советы восприняли её как своеобразный ультиматум перед объявлением войны. Газеты, несомненно, уже донесли до Рима известия о смятении, охватившем этот город, но я сомневаюсь, что они описывают ситуацию со всей полнотой. В воздухе несомненно запахло войной, и советские власти умело нагнетают напряжённость, представляя дело так, будто Англия готовится напасть на Россию, и тем самым апеллируя к шовинизму масс в Москве. Это напоминает мне последние дни перед тем, как Австрия в 1914 году объявила войну Сербии: те события я наблюдал лично, будучи в Австрии. Хотя слово “война” в ноте искать бесполезно, в Москве оно у всех на устах»⁵⁴.

14 мая Пий XI пригласил Гаспарри, Пиццардо и Ледуховского для того, чтобы решить, оставаться ли дальше в СССР Уолшу и его миссии. На встрече

⁵¹ *Maqua M.* Rome—Moscou: L'ostpolitique du Vatican. Louvain-la-Neuve, 1984. P. 36.

⁵² Walsh Papers, box 6, folder 384.

⁵³ ГА РФ, ф. 9501, оп. 5, д. 45, л. 47. Почти в это же время директор АРА получил от президента США телеграмму, в которой говорилось, что России больше не будет предоставлено ни одного фунта продовольствия.

⁵⁴ Walsh Papers, box 6, folder 385.

присутствовал и прибывший из Москвы Аристид Симонетти. Гаспарри хотел сохранить миссию, сомневаясь, представится ли ещё когда-нибудь возможность вступить в контакт с Россией⁵⁵. В своём выступлении по случаю созыва Консистории 23 мая папа заявил: «То, что произошло, не остановит предпринятых благотворительных дел, продолжающихся уже ряд месяцев и облегчивших столько страданий»⁵⁶.

Уолш в эти дни был для Ватикана наиболее надёжным источником информации о происходившем в России. Помимо собственных донесений он переправлял в Ватикан тексты правительственных постановлений и выдержки из советских газет. Это являлось весьма ценным подспорьем. Так, в своём выступлении 23 мая Пий XI упомянул о преследовании католиков в СССР. Реагируя на это, первый секретарь полпредства в Италии Я.Я. Страуян, после гибели Воровского выполнявший его функции, в послании Пиццардо утверждал, что Ватикан «не совсем точно информирован о положении христиан и Церкви в России», поскольку, скорее всего, получает сведения от немногочисленных русских эмигрантов. Возражая ему, Пиццардо мог с лёгкостью указать на то, что у папы не возникало потребности в каких-либо непроверенных данных, ему достаточно было прочесть акт обвинения по делу Цепляка и мотивировку решения суда. При этом заместитель государственного секретаря выразил большую обеспокоенность статьями Уголовного кодекса, вступившего в силу 1 июня 1922 г.⁵⁷ Обвинительное заключение и другие документы поступили именно от Уолша.

Не собираясь вывозить миссию из страны, Уолш, по указанию Ватикана, приостановил все переговоры с Чичериным. В апреле он полагал, что нарком «бессилен перед избранным кругом радикалов, которые теперь правят страной в отсутствие Ленина», и едва ли «пользуется каким-либо реальным влиянием при выработке большевистского внутривластного курса». По его словам, «влияние г-на Чичерина в плане большей умеренности властей настолько мало, что целесообразность продолжения дальнейших переговоров по этой линии представляется весьма сомнительной»⁵⁸.

В то же время положение петроградских костёлов, по-прежнему закрытых, Уолш признавал крайне опасным. Власти могли в любой момент воспользоваться тем, что они пусты, и превратить их в кинотеатры или передать каким-либо учреждениям. Его беспокоило, что католики, не имея чётких инструкций от Ватикана, не спешили подавать расписки с последней формулой, предложенной властями, поскольку предыдущие варианты были лучше. При этом к Уолшу они относились всё более жёстко. Поляки подозревали его в предвзятости, осуждали за нежелание действовать вместе с представителем Польши в Москве, а также приписывали ему слишком сильное и нежелательное для них влияние на политику Ватикана, не проявившего решительности после процесса. Уолш же лишь убеждался в неразумности их действий. «Они подготовили петицию, — писал он Гаспарри 2 мая, — и, как мне сообщили, под ней подписались уже 15 000 человек. Однако я опасаясь результатов такого

⁵⁵ *Trasatti S.* La croce e la stella. La chiesa e i regimi comunisti in Europa dal 1917 a oggi. Milano, 1993. P. 46.

⁵⁶ АВП РФ, ф. 98, оп. 7, п. 5, д. 9, л. 43.

⁵⁷ Там же, л. 41.

⁵⁸ *Walsh Papers*, box 6, folder 384. Со своей стороны, Чичерин 28 мая 1923 г. направил в ГПУ весьма ёмкую характеристику Э. Уолша: ГА РФ, ф. А-353, оп. 2, д. 714, л. 209.

демарша. Инициаторы этого шага, в принципе благого и свидетельствующего о достойной преданности католиков-поляков, скорее всего, не умиротворят советские власти, а лишь ещё больше настроят их против себя... Не могу сказать, что католики-поляки как сообщество понимают, что они живут на российской территории, и, не желая ни на йоту поступиться своей верой и принципами, они тем не менее должны стараться не вызывать антагонизм своих гонителей, чтобы не давать им благовидных предлогов для дальнейшего преследования религии под маской “процессов по обвинению в государственной измене”»⁵⁹.

Прислушиваясь к Уолшу, Гаспарри пытался через папского нунция в Варшаве и проживавшего там же митрополита фон Роппа убедить польских священников вести себя благоразумно и следовать советам Святого Престола, однако, по-видимому, и это не произвело на них должного действия. «Я опасюсь, — предполагал Уолш 26 мая, — что людьми, которые должны действовать во славу Божию и на благо нашей святой религии, движет ложный шовинизм. Как будто антирелигиозных гонений со стороны советского правительства недостаточно, в среде духовенства поднимают свою злобную голову внутренние раздоры, и уже слышатся недовольные речи. И, самое важное, мне кажется, что путь, которому они с особой радостью следуют — не церковный, а политический»⁶⁰. Недовольство католиков его собственной позицией и действиями Ватикана Уолш считал серьёзным препятствием для урегулирования их положения в СССР.

Расписки пугали католиков, которые опасались, что после передачи им храмов власти задавят их непомерными налогами. Признавая обоснованность таких опасений, Уолш всё же считал, что будущие проблемы нужно решать тогда, когда они возникнут. Вместе с тем он ещё ранее представил Ватикану план, предусматривавший, что американские епархии станут систематически, в определённом порядке, покровительствовать российским приходам. Так, Нью-Йоркской епархии предлагалось «удочерить» 11 костёлов Петрограда, Бостонской — три московских собора, Бруклинской — храмы в Одессе и т.д. «На карту поставлено само существование Католической церкви в России, — внушал Уолш Гаспарри 24 мая, — и поэтому я убеждён, что мы сможем организовать “финансовый крестовый поход” во спасение веры в этой стране». Особое значение это имело и для межконфессиональных отношений, поскольку Уолш осознавал: «Очевидно, если мы не спасём собственные церкви в России и не обеспечим их регулярное функционирование, на наше дальнейшее влияние на православных рассчитывать не приходится». Если же подобную помощь русским окажут англикане, то это «объединит Кентерберии и Москву против Ватикана», а «создание подобной религиозной Антанты повлечёт за собой и важные политические последствия: если Русская Церковь окажется под “квазипротекторатом” Англии, большевики уже не смогут ничтоже сумняшеся подвергать гонениям православную веру»⁶¹.

Во время визита Уолша в Рим летом 1923 г. данный план был поддержан и Пиём XI. Для реализации задуманного Уолш надеялся использовать желание

⁵⁹ Walsh Papers, box 6, folder 385.

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ Ibid. Подробнее о перспективах взаимодействия между православными и англиканами в то время см.: *Беглов А.Л.* «Крестовый поход молитв» 1930 г. и реакция на него в СССР // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Выпуск 4(68) (URL: <http://history.jes.su/s207987840002219-9-1>); *Беглов А.Л.* Мольбы о помощи. Письма православных верующих Папе

СССР установить дипломатические отношения с США и собственный авторитет у американских епископов. В дальнейшем, ведя переговоры с Москвой, Ватикан настаивал на том, чтобы русские приходы могли получать материальную помощь из-за рубежа. Однако советские власти на это не соглашались.

В начале июня костёлы Петрограда открылись, поскольку католические священники стали, наконец, подписывать навязанные им расписки. Уолш вызвали в Рим, но вскоре он вернулся в Москву с указанием продолжить распределение помощи. Как писал Чичерину Ландер, «после выяснилось, что Уолш по данному вопросу получил какие-то инструкции из Ватикана, очевидно, предлагавшие ему не рвать с нами из-за Цепляка и истории с католическими церквями в Питере»⁶². Во всяком случае, судя по докладной записке Ландера во ВЦИК, по приезду Уолш «заявил, что католическая миссия желает продолжать работу и на новых условиях»⁶³. Тогда же он изложил новый план деятельности миссии, который включал организацию бесплатных детских диспансеров и амбулаторий, борьбу с эпидемиями, устройство студенческих общежитий и питания для учащихся в Ростове и Москве. Уолш сообщил, что миссия готова потратить 1 млн руб. золотом и попросил предоставить ему в Москве дом, за аренду которого соглашался платить 12 тыс. долл. в год.

В начале июля Уолш получил также и новые полномочия для ведения переговоров об исполнении изданной 27 апреля инструкции «О порядке регистрации религиозных обществ и выдачи разрешений на созыв съездов таковых». В Ватикане полагали, что «некоторые пункты» её, как писал 4 июля Чичерину Пиццардо, «противоречат основным принципам Католической церкви»⁶⁴. Во время встречи с Чичериным в начале июля Уолш протестовал против практики регистрации церквей, после чего разослал максимальному числу священников (в Москве, Петрограде, Ростове, Краснодаре, Киеве, Житомире, Саратове, Самаре, Оренбурге, Одессе и в Крыму) указание не подписывать никакие связанные с нею документы. Опираясь на появившееся 19 июня 1923 г. постановление правительства, он доказывал, что требование регистрации не относится к тем общинам, которые уже подписали ранее договоры об использовании храмов⁶⁵. В наркоматах же считали иначе. Чичерин поручил новому полпреду в Италии Н.И. Иорданскому начать в Риме переговоры о применении инструкции, указывая, что с конца июля 1923 г. католические приходы в России фактически находятся на нелегальном положении.

Таким образом советское руководство уже не желало иметь дело с Уолшем. «Это наш ярый, ни перед чем не останавливающийся враг», — писал Чичерин 20 августа Иорданскому. Нарком сетовал на то, что, по мнению Соловьёва,

Римскому 1931 г.: новые документы из архивов Ватикана // Вестник ПСТГУ. Сер. II. История. История Русской Православной Церкви. 2019. Вып. 91. С. 135—152.

⁶² АВП РФ, ф. 04, оп. 59, п. 419, д. 56870, л. 26—27.

⁶³ ГА РФ, ф. Р-1065, оп. 3, д. 64, л. 175.

⁶⁴ АВП РФ, ф. 098, оп. 6, п. 103, д. 48, л. 6; Walsh Papers, box 6, folder 385.

⁶⁵ Так он пытался интерпретировать третий пункт постановления: «Вследствие сохранения в силе установленного инструкцией Народного комиссариата юстиции об отделении церкви от государства (Собр. узак., 1918, № 62, ст. 685) порядка пользования государственными имуществами, предназначенными для совершения культа, группы граждан, получившие с согласия указанной инструкции в бесплатное пользование здание культа, с изданием Закона от 3 августа 1922 года (Собр. узак., 1922, № 49, ст. 622) и инструкции Народного комиссариата юстиции и Народного комиссариата внутренних дел от 15 апреля 1923 года не обязаны тем самым преобразоваться в религиозные общества».

«невозможно иметь дело с Уолшем, который врёт, нарочно путает и коверкает истину и, видимо, старается создать обострение»⁶⁶. В Москве болезненно реагировали на большую информированность Уолша, его постоянные протесты и настойчивость в том, что «советское правительство должно рассматривать Католическую церковь в России как единое целое, а не собрание отдельных единиц, действующих независимо и по-разному». Ведь иезуит видел, что большевики, напротив, стремились «вынудить каждое католическое сообщество решать свои религиозные затруднения по отдельности, отлично понимая стратегическую ценность старой поговорки “разделяй и властвуй”». Причём, по мнению Уолша, «с Православной церковью им удалось воплотить её в жизнь»⁶⁷.

Иорданский, которому в дальнейшем поручались все переговоры с папской курией, выехал в Рим в конце августа 1923 г. Но в Ватикане не спешили с ним объясняться. Уолш, встречавшийся с Иорданским 19 июля, в тот же день предупредил Гаспарри, что новый полпред 20 лет был редактором радикальной коммунистической газеты и «считается искушённым пропагандистом», от которого «следует ожидать многочисленных нот протеста»⁶⁸.

Пиццардо принял Иорданского лишь 20 сентября. На первой же встрече полпред начал жаловаться на Уолша и даже просил его отозвать. Передавая подробности этой беседы, Пиццардо заверил Уолша в поддержке и высокой оценке его усилий папой, однако тут же намекнул на желательность более гибкого и мягкого взаимодействия с советским руководством⁶⁹. Скорее всего, этот совет уже запоздал, настойчивые требования отзыва Уолша возобновились, и 23 ноября в Ватикане решили, что ему пора покинуть Россию. Тем не менее незадолго до этого (13 сентября) ему удалось успешно завершить начатые ещё в конце 1922 г. переговоры о передаче Ватикану мощей блаженного Анджея Боболя (иезуита, убитого в Белоруссии в 1657 г.), вскрытых в Полоцке в 1922 г., перевезённых в Москву и размещённых в музее медицины. В октябре 1923 г. они были вывезены из России⁷⁰, а в начале 1924 г. прибыли в Рим.

* * *

В России Уолш оказался между двух огней — советским правительством, быстро убедившимся в его враждебности, и католиками-поляками, считавшими, что он чрезмерно уступчив и лоялен большевикам. При всей симпатии к преследуемым единоверцам Уолш не мог не видеть, что за их борьбой стоят не только религиозные, но и национальные устремления. Для иезуита, верно-го католическому интернационализму, это не являлось хорошей рекомендацией. Понимая, что его деятельность при сохранении советского строя не имеет будущего, Уолш тем не менее исполнял волю Пия XI, всячески пытавшегося укрепиться на русской земле и дорожившего работой миссии, которая служила,

⁶⁶ АВП РФ, ф. 04, оп. 59, п. 419, д. 56870, л. 24. Соловьёв в это время находился в остром конфликте с Уолшем из-за попыток миссии принять участие в распределении медикаментов, закупленных зимой 1922/23 г. Шефтелем на деньги Ватикана, выделившего на это 1 млн лир (ГА РФ, ф. 3341, оп. 6, д. 319, л. 22, 29, 51; ф. 9501, оп. 5, д. 45, л. 29, 31—33, 38; Walsh Papers, box 6, folder 384, 385, 386).

⁶⁷ Walsh Papers, box 6, folder 385.

⁶⁸ Ibid. Впрочем, Уолш был не совсем точен. Хотя Иорданский с 1904 г. участвовал в издании многих газет, включая «Искру», «Звезду», «Путь», журнал «Современный мир», он не редактировал ни один печатный орган в течение столь долгого времени.

⁶⁹ Ibid.

⁷⁰ Ibid., folder 386.

по выражению её главы, «важным “подпорным клином”, держащим открытой дверь в Россию, а также средством защиты и развития католической веры в этой стране»⁷¹. Энергичная и деятельная натура ирландца, его природный оптимизм, по-видимому, отменное здоровье и крепкие нервы помогали ему приспособливаться к тяжёлым условиям жизни в России, где постоянно приходилось сталкиваться с голодом, болезнями, лишениями, трудностями передвижения и непрерывной подспудной борьбой с мелкими препонами и жёсткой антирелигиозной политикой властей. Характерно, что другие члены миссии не всегда выдерживали подобное напряжение: из-за болезней и нервного истощения СССР вынуждены были покинуть иезуиты Д. Пьемонте, Ж. Капеллос и Л.Дж. Галлахер, кларетинец П. Вольгас. Несмотря на большую помощь, которую она оказала, миссия Уолша была изначально обречена на провал, что и произошло в 1924 г., хотя её руководителю пришлось покинуть Россию ещё раньше.

⁷¹ Ibid., folder 387.